

Крещение

В те дни в пустыне появился Иоанн Креститель^[24], который объявил о покаянии и крещении для прощения грехов. Именно об этом событии было сказано устами пророка Исаяи (40:3): «Голос взывает: приготовьте в пустыне дорогу Господу, путь прямой в степи проложите для Бога нашего»^[1] (ср. Мк 1:2–4). Для ессеев, тексты которых найдены в районе Мертвого моря, эти слова пророка также означали призыв «отделиться от местопребывания людей Неправды и идти в пустыню, чтобы проложить там дорогу Господу»^[25]. Иоанн столь близок к ессеям, что можно предположить: некогда он был членом их общины, а затем ее оставил, так как не одобрял сектантского сепаратизма ессеев. Иоанн хотел, чтобы покаяние во имя прощения грехов стало достоянием всего Израиля. К суровому пророку пустыни устремились толпы людей, которые внимали его исполненному угроз призыву, раскаивались в своих грехах и крестились в водах Иордана. Огромное влияние на народ послужило причиной убийства Иоанна Иродом Антипой, сыном царя Ирода Великого. Иосиф Флавий сообщает^[26]: «Вокруг Иоанна собирались люди, воодушевленные его словами. Ирод же боялся, как бы Иоанн, обладая такой силой убеждения, не поднял мятежа (казалось, что по его совету люди сделают все, что угодно). Поэтому он решил предупредить события и покончить с Иоанном, не дожидаясь восстания, чтобы не пришлось раскаиваться потом, когда уже будет поздно. Из-за этих опасений Ирода Иоанн был в оковах отправлен в крепость Махерон и там убит». Дальнейшие подробности о смерти Иоанна мы знаем из евангелий^[27].

По всей видимости, именно крещение больше всего привлекало народ к Иоанну. Многие надеялись с помощью этого ритуального омовения заглазить свои грехи и таким способом спастись от божественного гнева в день будущего Суда. Однако Креститель требовал перед омовением подлинного раскаяния. Согласно Иосифу, он был праведным человеком, который убеждал евреев «вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг ко другу и благочестивыми перед Богом — и тогда приходить и креститься. Он считал, что креститься стоит не для того, чтобы вымолить прощение грехов, а ради очищения телесного, после того как душа уже была очищена праведными делами». Это в точности соответствует взглядам ессеев: погружение в воду, как традиционно считалось в Израиле, смывает ритуальную нечистоту тела; но именно содеянный грех, по мнению ессеев, делает человека ритуально нечистым; поэтому «пусть не входят в воду... не раскаявшись в своем зле, так как нечистота — на всех преступающих Его слово»^[28]. Только тот «очистит свою плоть, окропляя ее водой очищения и освящая водой чистоты, кто смирит свою душу перед всеми законами Бога»^[29]. Это почти дословно совпадает с только что приведенным взглядом Иоанна Крестителя: вода лишь тогда очищает тело, когда душа уже раньше была очищена праведными делами. Но что же очищает душу при раскаянии? «Святой Дух...

очищает от всех грехов»^[30]. Таким образом, покаяние в есеевском крещении связывается с прощением грехов, а последнее — со Святым Духом. Поскольку, как нетрудно заметить, Иоанн думал по поводу крещения то же самое, что и ессеи, он, как и они, усматривал в крещении действие Святого Духа^[31]. Иоанново крещение, должно быть, протекало так. Люди, приходившие к Иоанну на Иордан — в ответ на его проповедь, — сходили перед ним в воду и погружались в нее в знак того, что они последовали призыву Крестителя возвратиться к Богу. Такая картина вытекает из семантики греческого слова, употребляемого при описании крещения^[32]. Истолкование крещения в новозаветных текстах навеяно главным образом более поздней христианской практикой: подлежащих крещению младенцев крестящий опускал в воду; если крестили взрослых, то вода выливалась им на голову из чаши. Эта практика нашла отражение в раннехристианских фресках, найденных в римских катакомбах.

Можно себе представить священный трепет толпы, слушавшей огненные слова Крестителя. Раскаиваясь в своих грехах и погружая свою оскверненную плоть в очистительные воды реки, люди ожидали дарования Святого Духа, который теперь очистит душу от скверны злодеяний. Разве не могли некоторые из присутствовавших в тот момент, когда действовал Божий Дух, пережить необычный экстатический опыт? «И вот, когда крестился весь народ, крестился также и Иисус... Небо разверзлось и Святой Дух спустился на него как голубь, и с неба был голос (Лк 3:21–22): Вот сын Мой единственный^[33] — он угоден Мне». Таковы слова небесного голоса, согласно Матфею (3:17) и Марку (1:11). Однако некоторые ученые^[34] не без основания считают, что в первоначальном варианте рассказа голос говорил Иисусу: «Вот слуга Мой — Я с ним, избранник Мой — тот, кто угоден Мне. Я ниспослал на него Мой дух, чтобы он явил народам суд справедливый» (Ис 42:1). Именно эти слова пророка, вероятно, и стояли в рассказе с самого начала, поскольку они хорошо подходят к ситуации. В те времена голос с Неба не был для евреев чем-то из ряда вон выходящим.

Часто этот голос говорил словами Библии. По-видимому, также и дарование Духа, которое сопровождалось экстатическими переживаниями, не было чем-то уникальным для крестившихся тогда в Иордане. И если Иисус действительно услышал слова из книги Исайи, то эти слова («Вот... Я ниспослал на него Мой дух») послужили чудесным подтверждением дарования Духа. Уникально здесь другое. Небесный голос (если принять его слова в дошедшем до нас виде) называет Иисуса «сын Мой». Но если с неба прозвучали слова пророка, то Иисус должен был их понять в том смысле, что он призван в качестве слуги Бога, Его избранника. Тогда дарование Святого Духа, связанное с Иоанновым крещением, приобретает иное, особенное значение для Иисуса: оно должно сыграть решающую роль в его последующей жизни. Заметим, что наименования «сын», «слуга», «избранник» не являются исключительно мессианскими титулами — два последних из них могут также указывать на призвание пророка. Но

сейчас эти титулы помогают Иисусу осознать, что он избран, призван и посвящен. Зная все это, мы едва ли имеем особые основания сомневаться в историчности рассказа о том, что произошло с Иисусом во время крещения в Иордане.

Согласно Марку (1:9) и Матфею (3:13), Иисус пришел к Иоанну из того места, где он жил, из Назарета. А если мы отнесемся с доверием к словам архангела у Луки (1:36), то Мария и мать Иоанна Крестителя были родственницами. Ничего больше о мотивах, заставивших Иисуса присоединиться к толпе, идущей креститься к Иоанну, нам неизвестно. Зато довольно внятно говорят наши источники (если их правильно прочесть) о том, что произошло с Иисусом после крещения и призвания. Некоторые реальные трудности, которые здесь возникают, обусловлены, по-видимому, тем обстоятельством, что мы не располагаем надежными сведениями о том, где протекала деятельность Крестителя^[35]. Весьма вероятно, что пророк пустыни к тому же часто менял место. Простейшей мне кажется гипотеза, согласно которой Иоанн крестил Иисуса в северной части Иордана, неподалеку от его впадения в Генисаретское озеро. Именно там расположена Вифсаида, родина братьев Андрея и Петра, которых, согласно евангелию по Иоанну (1:40–44), Иисус встретил сразу после крещения. Петр и Андрей (как и два других брата — Иаков и Иоанн, сыновья Зеведея, — также рыбачившие на Генисаретском озере) стали его первыми учениками. Петр был женат на женщине из близлежащего Капернаума; там он и жил у тещи^[36]. Последняя также присоединилась к кругу верующих, после того как Иисус исцелил ее от лихорадки. Ее дом стал вторым родным домом для Иисуса. Когда он позднее посещает свой родной Назарет и терпит там полный провал, он возвращается именно в район Капернаума.

Таким образом, географические границы публичной деятельности Иисуса, по всей вероятности, определяются местом его крещения и отчасти знакомством с Петром. Это — весьма конкретный факт, не несущий никакой богословской нагрузки. На тот же район указывают и слова самого Иисуса из так называемого источника логий. «Тогда он начал упрекать города, в которых больше всего совершил чудес, за то, что они не покаяться: Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида! Гели бы в Тире и в Сидоне свершились те чудеса, какие свершились у вас, они давно бы в рубище и пепле раскаялись. И потому, говорю вам,

Тиру и Сидону будет легче в День Суда, чем вам! И ты, Капернаум, хотел вознестись на небо? Ты низвергнешься в ад! Если бы в Содоме свершились те чудеса, какие свершились у тебя, он бы стоял и поныне. И потому, говорю вам, земле содомской будет легче в День Суда, чем тебе!» (Мф 11:20–24; Лк 10:12–15). Расположенный неподалеку от Капернаума, Хоразин в других местах Нового Завета не упоминается. Несчастливая Мария Магдалина, «из которой он изгнал семь бесов» (Лк 8:2), пришла из соседней Магдалы. Северо-западная часть Галилейского (Генисаретского) озера

была густонаселенной местностью с развитым сельским хозяйством: Хоразин славился своей пшеницей. Здесь жило немало рыбаков, которые в поисках богатого улова часто переправлялись на лодках на восточный берег озера. Жители этой местности ни в коей мере не были малообразованными провинциалами.

Гораздо важнее географического района публичной деятельности Иисуса взаимоотношения, которые сложились между ним и Иоанном после крещения Иисуса. Подлинную картину этих взаимоотношений можно воссоздать, только избавившись от традиционных заблуждений в этом вопросе. Причина существующего искажения картины — хронологическая схема Марка, обусловленная концепцией «истории спасения»^{[37][2]}. Поскольку в глазах христиан (возможно, не без оснований) Иоанн Креститель был предшественником Иисуса и поскольку Иисус фактически появился вслед за Иоанном, евангелист Марк делает Крестителя предтечей Иисуса в собственном смысле слова^[3]. По этой причине в евангелии по Марку Иисус появляется на сцене только после ареста Иоанна: «А после того, как Иоанн был выдан, пришел Иисус в Галилею, возвещая о божественном Спасении»^[4] (Мк 1:14). Матфей делает следующий шаг: так как по Марку, которому он доверяет (см. Мф 4:12–13), Иоанн был арестован еще до первого появления Иисуса, то Креститель обращается с вопросом к Иисусу (тот ли он, кто должен прийти?), уже находясь в тюрьме. В этом пункте Матфей «улучшает» источник логий (Мф 11:2; ср. Лк 7:18). Далее, Матфей, у которого вообще прослеживается тенденция сблизать слова Крестителя с высказываниями Иисуса^[38], дословно вкладывает в уста Иоанна проповедь Иисуса о Царстве (Мф 3:2; ср. 4:17). Эту картину, последовательно созданную усилиями Марка и Матфея, богословы затем пытались объяснить исторически и психологически. Псевдохронологию Марка они понимали главным образом в том смысле, что появление Иисуса должно было прежде всего заполнить пустоту, которая образовалась в Израиле после ареста Крестителя. Такое понимание как будто подтверждается и евангелием по Матфею, согласно которому Иисус вначале лишь повторяет проповедь Иоанна. Из этого понимания рождается литературный образ: Иоанн Креститель, всю жизнь ожидавший Мессию, незадолго до смерти, в тюрьме, узнает о появлении Иисуса и посылает к нему гонцов. Этот образ выражает подлинную человеческую трагедию.

Так исходный исторический материал был переработан сначала по богословским соображениям Марком и Матфеем, а затем, ради психологического истолкования, некоторыми учеными. То, что на самом деле в начальный период деятельности Иисуса «Иоанн еще не был брошен в тюрьму», известно не только не слишком надежному Иоанну (3:24). Лука и его источники также нигде не сообщают, что Иисус выступил лишь тогда, когда исчез Иоанн. Итак, освободив исторический материал евангелий от вторичных искажений, мы можем восстановить историю начального периода деятельности Иисуса после крещения.

У Иоанна Крестителя, несомненно, существовал круг учеников. Однако большинство из приходивших креститься в Иордане людей вскоре после крещения, естественно, отправлялись домой. Иоанн не собирался основывать секту. Он полагал, что лучше, чтобы каждый возвращался к своим профессиональным занятиям (Лк 3:10–14). Однако Иисус, которому голос во время крещения поведал об избрании, не вернулся к своей прежней жизни, но «с того времени Иисус стал возвещать: Вернитесь к Богу, ибо Царство Небесное близко!» (Мф 4:17). Он призывал учеников, учил в синагогах и исцелял народ «от всяких болезней и недугов» (Мф 4:17–25).

Сам Иоанн Креститель, должно быть, считал себя пророком последних времен. Народ видел в нем библейского пророка Илию, который должен появиться перед приходом Мессии. Услышав о движении, которое возникло около Иисуса в селах на Галилейском озере, Иоанн — так сообщают источники — посылает двух учеников^[39], чтобы спросить Иисуса: «Ты ли тот, кто должен прийти, или ждать нам другого?» (Лк 7:18–23; ср. Мф 11:2–6). В своей мессианской проповеди (Мф 3:4–12; Мк 1:7 и Лк 3:16) Иоанн Креститель, указывая на того, «кто идет» за ним, имел в виду текст Дан 7:13. В этом тексте изображается «некто — словно Сын Человеческий, идущий с облаками небесными». Креститель, несомненно, думал о скором приходе известной эсхатологической фигуры — Сына Человеческого (Мф 3:10; Лк 3:9), который «сильнее» его. «В руке у него лопата, чтобы расчистить гумно и собрать зерно в житницу, но мякину он сожжет огнем неугасимым» (Лк 3:16сл; Мф 3:11сл).

Согласно древнему рассказу, в ответ на запрос Крестителя Иисус сообщает его посланникам: Идите и расскажите Иоанну то, что слышите и видите: слепые прозревают, хромые ходят, прокажённые очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, и бедным возвещается о Спасении. Это послание Иоанну Крестителю Иисус завершает предостережением: Счастлив тот, кто не ошибется во мне! (Мф 11:5, 6; Лк 7:22, 23)^[40].

В этих словах Иисуса звучит сомнение по поводу позиции Крестителя, и оно было, очевидно, оправданным. Возникает вопрос: как могли относиться друг к другу Иоанн Креститель и Иисус. На чем основывалась предубежденность Иоанна по отношению к Иисусу? После открытия в Кумране ессейских текстов стало ясно, что она могла основываться на различии представлений о ходе истории спасения и, соответственно, на различном видении ближайшего будущего.

Иоанн, как и Иисус, осознавал, что наступило новое время, однако верил, что это время — время Страшного Суда и конец человеческой истории, что вскоре начнется послеисторическая эра — «новое небо и новая земля». В этом толковании история спасения тесно связана с понятием Сына Человеческого как Судьи последних времен.

Такое толкование характерно для ессеев, да и для всех прочих апокалиптических течений.

Иисус, напротив, был уверен, что «Царство Небесное» наступит — при его содействии — еще до конца мира. На вопрос Иоанна, не имеет ли его деятельность эсхатологического смысла, Иисус отвечает в принципе утвердительно, но все-таки Мессией прямо себя не называет. Он только ссылается на совершенные им исцеления. В них Иисус видит недвусмысленный признак того, что новая эпоха уже наступила: Если я изгоняю бесов Божиим перстом, значит, дошло до вас Царство Божье (Лк 11:20). При освобождении из египетского рабства маги признали в деяниях Моисея «перст Божий» (Исх 8:19), а значит, то, что освобождение израильтян совершается самим Богом. Текст же Луки означает, что, хотя дьявол еще действует в этом мире, он уже побежден^[41]. Пришел «более сильный» и одолел «сильного». Он отобрал у него «оружие, на которое тот полагался», и добро его сделал «своей добычей» (Лк 11:21–22)^[42].

Иисус сообщает гонцам Иоанна также о втором факте, который свидетельствует о смысле его публичной деятельности: бедным возвещается о Спасении. Тем самым Иисус напоминает о словах пророка Исайи (61:1–2), которые с момента крещения были особенно значимы для Иисуса:

Дух Господа Бога — на мне, потому что Господь меня помазал.

Он отправил меня возвещать обездоленным о Спасении,

исцелять сокрушенных сердцем,

пленникам объявить свободу,

узникам — освобожденье,

провозгласить год Господней милости

и День отмщения Бога нашего,

утешить скорбящих.

Эти слова были прочитаны Иисусом в синагоге в самом начале его деятельности (об этом см. Лк 4:16–21).

Хотя Иисус и не сомневался в том, что «Царство Божье» наступило уже сейчас — в его провозвестии и в совершаемых им исцелениях, он осознавал также, что в этом веке праведники и грешники, добрые и злые неизбежно сосуществуют, живут рядом друг с другом. Он выразил это в притче о сорняках среди пшеницы (Мф 13:24–30) и в притче о неводе (Мф 13:47–52). Разделения и Суда еще нужно ждать — ждать до времени жатвы. Сейчас — время возвращения к Богу. Иисус призвал учеников и уполномочил их вместе с ним приобретать людей для Царства Божьего: он позволил им стать «ловцами людей» для Иисуса (Мф 4:19; Мк 1:17; Лк 5:10). Возникло движение, благодаря которому Божье Царство должно было стать реальностью уже сейчас и повсюду, среди этого мира. Своих учеников он убеждал: Жатва обильна, а работников мало. Молите же хозяина нивы> чтобы он послал на жатву работников (Мф 9:37–38).

Последний Суд — и поэтому начало «послеисторической эпохи», грядущих новых небес и новой земли, нового, совершенного мира (олам ха-ба) в этот период Царства Небесного — еще только впереди как третья и последняя фаза мирового времени. Как откликнется человек на призыв Иисуса, Божьего посланника, будет решающим фактом для приговора на Последнем Суде: Небо и земля исчезнут, а мои слова останутся (Мк 13:31; Мф 24:35).

В своем представлении о Царстве Небесном Иисус соединил раввинистическое понятие Небесного Царства и двухфазную эсхатологическую схему апокалиптиков, включив в последнюю период Царства Небесного в качестве промежуточной фазы и отождествив этот период с раввинистическими «Днями Мессии». О том, что Царство уже здесь, говорит одержанная Иисусом победа над Сатаной: Я видел Сатану падающим молнией с неба (Лк 10:18; см. также обсуждавшийся выше текст Лк 11:20) и свидетельство его последователей, исполняющих, как и он, Божью волю. Во всем этом уже сегодня предвосхищается то, что только еще в развитии, еще на пути к совершенству. Такое положение вещей называют «постепенно реализующейся эсхатологией».

«День Сына Человеческого» для Иисуса еще только предстоит. А тот день и час не знает никто, кроме Отца: ни ангелы на небе, ни Сын (Мк 13:32; Мф 24:36; Деян 1:7). Поэтому призыв к бдительности становится настоятельным требованием. Иисус, очевидно, не был, как часто предполагается, представителем «молниеносной эсхатологии». В этом он отличался от Иоанна Крестителя. Именно это различие стало причиной их разделения.

Чтобы понять всю глубину различий между Иисусом и Иоанном, нужно вникнуть в слова, с которыми Иисус обратился к народу после ухода посланников Крестителя: А когда они ушли, Иисус стал говорить народу об Иоанне: «На что вы ходили смотреть в пустыню? Не на тростник же колеблемый ветром! Тогда что вы хотели увидеть* Человека в тонкотканой одежде? Но людей в такой одежде надо искать во дворцах. Так кого же вы хотели увидеть? Пророка? Да, и это не просто пророк! Он тот, о ком в Писании сказано [Мал 3:1]: «Посылаю перед тобой вестника: он проложит тебе путь». Истинно говорю вам: еще не родился на земле человек, больший, чем Иоанн Креститель, но даже наименьший в Царстве Небесном — превосходит его. Со дней Иоанна Крестителя и поныне Царство Небесное прорывается [в мир], и те, кто прорываются, овладевают им! Все пророки и Закон ещё до Иоанна предсказали это. Если хотите знать, он и есть Илия, который должен прийти. Пусть имеющий уши услышит! (Мф 11:7-15).

Бубер в разговоре со мной как-то сказал: если вы способны прислушиваться, то и в поздних рассказах евангелий сможете уловить голос Иисуса. Думается, подлинный голос Иисуса можно распознать, читая его речь о Крестителе.

Иисус обращается к людям, совершающим паломничество в пустыню, к Иоанну. Там не место придворным, одетым в пышные одежды, — они обитают в царских дворцах, трепещут и склоняются, как тростник на ветру. Считали ли они Иоанна новым пророком?

Иисус считал Иоанна пророком и, если угодно, тем, кто в последние времена должен приготовить путь для Бога, — тем, кто прорывается. Приход Иоанна знаменует начало последних времен, решающий перелом мировой истории: все пророки до Иоанна только пророчествовали, отныне же Царство Небесное прорывается [в мир], и те, кто прорываются, овладевают им. Эти загадочные слова связаны с изречением библейского пророка Михея (2:13): «Перед ними идет тот, кто прорывается, прорываются и они вслед за ним: входят в ворота — и выходят в город. Царь их идет перед ними, Господь возглавляет их». Один средневековый комментатор^[43] приводит следующее древнее толкование на это место: «„Тот, кто прорывается" — это Илия, а „Царь их" — это потомок Давида». По этому толкованию (видимо, известному Иисусу), сначала Илия пробивает брешь, а за ним следуют те, кто прорывается вместе с царем-Мессией. Согласно Иисусу, Илия-Иоанн уже пришел, и поэтому Царство Небесное отныне может прорваться в мир, так что те, кто имеет мужество принять решение, уже сейчас способны им овладеть.

И еще несколько слов об этом речении Иисуса. Приход Иоанна означает, что Царство Небесное уже сюда прорвалось. И хотя сам Иоанн — величайший среди детей

человеческих, самый ничтожный в Царстве Небесном превосходит его. Иоанн Креститель пробил, так сказать, брешь, через которую вторгается Царство Божье, но хотя «еще не родился на земле человек, больший», чем он (ср. Втор 34:10), сам он Царству не принадлежит. Он все еще принадлежит старому поколению. Пророки и Закон предсказывали до Иоанна. С Иоанном кончается библейская эпоха. Он исполнил роль Илии — предвестника и открывателя новой эры, мессианского Царства Божьего, представителем которого был Иисус. Кто не со мной, тот против меня, кто не собирает со мной — расточает (Мф 12:30; Лк 11:23). В этом изречении повторяется настоятельное предостережение, которое содержится также в конце цитированного выше ответа гонцам Иоанна Крестителя: Счастлив тот, кто не ошибется во мне! Слово «ошибется» передает древнееврейский глагол, который в то время употреблялся в расширительном смысле: «склоняться ко греху, превратно понимать волю Бога», буквально же он означает: «спотыкаться, оступаться». Если выразиться словами одного позднего текста (1 Петр 2:7–8), Иисус — это пробный камень: для верующих — краеугольный камень, а для неверующих — камень преткновения и скала, о которую спотыкаются (ср. также Лк 20:18). Когда Креститель обратился к Иисусу с вопросом, Иисус уже догадывался (и эта догадка впоследствии подтвердилась), что их дороги должны разойтись. Движение последователей Крестителя продолжало существовать рядом с общиной Иисуса и позднее, рядом с юным христианством — и независимо от них.

Как мы видели, многие считали Иоанна вернувшимся Илией. Уже согласно еврейской Библии, Илия не умер, но был вознесен на небо. Тогда как же он, будучи бессмертным, после возвращения в конце времен под видом Иоанна мог безвозвратно погибнуть от руки Ирода? Что ж, нашлись люди, которые верили, что Иоанн Креститель воскрес (Мк 6:14), и узнавали его в Иисусе. Совершенно ясно, что некоторые ученики Иоанна разделяли веру в воскресшего учителя. Что сам Иоанн считал себя Мессией, исключено. Это ясно из смысла его проповеди: он ожидал более сильного, который еще только должен прийти (Лк 3:16). Однако среди учеников Иоанна, вероятно, уже при его жизни нашлись и такие, которые подумывали, что их господин и есть тот самый «более сильный». Так или иначе, после смерти Крестителя засвидетельствована вера в его мессианское достоинство. Поскольку Иоанн происходил из священнического рода, он определенно считался не Мессией-царем («сыном Давида»), но Мессией-священником^[5].

По евангельскому рассказу выходит, что Ирод довольно скоро стал считать Иоанна опасным и поэтому лишь самое непродолжительное время не обращал на него внимания. Деятельность Иисуса после ареста и убийства Иоанна Крестителя, очевидно, также продолжалась недолго. Лиса-Ирод не спал. Через некоторое время после того, как тетрарх обезглавил Иоанна, до него «дошли слухи об Иисусе; он сказал

своим придворным: „Это Иоанн Креститель — он воскрес из мертвых!“» (Мф 14:1). Позднее некоторые фарисеи предупреждали Иисуса, что Ирод замышляет убить и его. На это Иисус велел передать Ироду, что задерживается в этом краю еще дня на два — на три, а затем отправится в Иерусалим, потому что только в Иерусалиме подобает погибнуть пророку (Лк 13:31–33). Ниже будет показано, что Ирод Антипа причастен к казни Иисуса.

После смерти Иоанна Иисус в глубоких и полных трагизма словах указывал ученикам на горькое сходство между смертью Иоанна и своим надвигающимся концом. К сожалению, эти слова сохранились не совсем в своем первоначальном виде. «Ученики спросили его: „А почему книжники говорят, что сначала придёт Илия?“ Иисус ответил: Верно, должен прийти Илия и всё восстановить. Говорю вам: Илия уже пришел, но его не узнали и поступили с ним, как им хотелось. Так же пострадает от их рук и Сын Человеческий». И Матфей продолжает: «Тогда ученики поняли, что он говорит об Иоанне Крестителе» (Мф 17:10–13).

Ранее Иисус, когда его деятельность только начиналась и в пустыне еще звучала проповедь Крестителя, говорил о себе и Иоанне: С кем сравнить это поколение? Оно — словно дети на площади, которые говорят другим детям: «Мы играли на флейте, а вы не плясали! Мы пели печальное, а вы не скорбели!»^[44]. Примёл Иоанн, который не ест и не пьёт вина, и говорят: «В нём бес». Примёл Сын Человеческий, который ест и пьёт, — и говорят: «Это обжора и пьяница, приятель откупщиков и гремников». Но правота Мудрости доказана её делами (Мф 11:16–19).

Людам не угодишь. Про аскета Иоанна они говорят: «Он — помешанный». И про Иисуса они позднее скажут: «Ему помогает Вельзевул».